

СООТНОШЕНИЕ ЧУВСТВЕННОСТИ И РАЗУМНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА. ЧАСТЬ 2: БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ МОРАЛИ

А. Г. Вяткина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июня 2024 г.

Аннотация: спор интуиционизма и рационализма помещается в контекст проблематики эволюционной этики. Рассматриваются три основных подхода, объясняющих эволюцию биологического альтруизма: теория родственного отбора, парохизм, взаимный альтруизм. Выделяются некоторые наиболее характерные формы человеческого поведения, имеющие биологическую обусловленность. Показываются их моральная ограниченность и невозможность, вопреки выводам интуиционизма, положиться на природное чутье в вопросах этики, особенно на этапе современного общества. С позиции рассмотренных подходов разумное осмысление человеческих отношений является необходимым условием преодоления ограниченности биологических форм поведения. Делается вывод о необходимости диалога между природной и духовно-разумной сторонами человеческого бытия.

Ключевые слова: мораль, разум, чувственность, биологический альтруизм, родственный отбор, парохизм, реципрокный альтруизм.

Abstract: the dispute between intuitionism and rationalism is placed in the context of the problems of evolutionary ethics. Three main approaches explaining the evolution of biological altruism are considered: the theory of kin selection, parochialism, and mutual altruism. Some of the most characteristic forms of human behavior that have a biological basis are highlighted. It shows their moral limitations and the impossibility, contrary to the conclusions of intuitionism, to rely on natural instinct in matters of ethics, especially at the stage of modern society. From the point of view of the considered approaches, a reasonable understanding of human relations is a necessary condition for overcoming the limitations of biological forms of behavior. It is concluded that there is a need for dialogue between the natural and spiritual-rational sides of human existence.

Key words: morality, reason, sensuality, biological altruism, kin selection, parochialism, mutual altruism.

В первой части данного исследования мы рассмотрели те противоречия, с которыми неизбежно сталкивается интуиционизм, когда пытается вывести всю сложность морального поведения из единого биологического основания. С этой позиции справедливость этического рационализма заключается в рассмотрении морали как формы человеческой духовности, требующей критического, сознательного отношения к жизни. Сегодня очевидно, что духовное начало не может существовать без природного и привязано к нему своими корнями. Однако важно правильно понять эту привязку и выявить соотношение указанных составляющих в человеческом существовании, избежав при этом упрощения и редукционизма. Эволюционный путь от биологических детерминант поведения к духовным оказался весьма противоречивым и неоднозначным. «Основные неврологические

противоречия поведения человека были заложены в структуру нервной системы еще во времена возникновения мозга рептилий» [1, с. 29]. Способность абстрактного мышления, составляющая важнейшее приобретение человеческой духовности, связывается с развитием ассоциативных областей нашего мозга. Как объясняют ученые, данные области возникли на базе обонятельных половых центров для наиболее эффективного обслуживания биологических программ. «Мозг млекопитающих сформировался не для торжества интеллекта или социального поведения... Он возник как устройство для решения сиюминутных пищевых, репродуктивных и конкурентных проблем» [там же, с. 31]. Однако накапливаемые количественные изменения в развитии новых отделов привели к качественному скачку, когда возникшие на их основе способности начали противоречить старым исходным

© Вяткина А. Г., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

целям, ставя перед человеком уже совершенно другие, небологические задачи, такие как познание Вселенной или жертвование собой ради блага ближнего. В результате наша духовность оказалась в принципиальной конфронтации с биологическими программами поведения. Эта непримиримая конфронтация определяется в истории человеческой мысли в виде дилеммы, отражающей во множестве своих формулировок противостояние двух начал: «чувства» и «разума», «хочу» и «надо», «бессознательного» и «сверх-я», «природы» и «культуры», в контексте религиозного мировоззрения – «земного» и «небесного». Философы с давних времен исключительно живо чувствовали рассматриваемую противоречивость и выражали ее в терминах двумерности человеческого бытия. В современных работах по биологии она получила название «двойственности сознания» (С. В. Савельев), которая проявляется в противостоянии программ лимбической системы, включающей в себя набор врожденных форм поведения, и неокортекса, содержащего социальные и индивидуальные приобретения человека.

Таким образом, весьма проблематично говорить о предзаданности или изначальной заложенности идейно-нравственного отношения к действительности на биологическом уровне. Эволюция вообще не работает наперед: «заблуждение состоит в том, что по ходу эволюции могут отбираться преадаптации – нейтральные признаки, которые впоследствии оказываются важными. Так не бывает: эволюция занимается признаками здесь и сейчас» [2, с. 296]. При этом то, что оказывается применимым для решения конкретных адаптивных задач, проходит отбор и поддерживается эволюцией. Как пишет Сапольски, эволюция – это не великий планировщик, это талантливый импровизатор, «умелец-самоучка», который, экспериментируя наугад, иногда получает удачные экземпляры. В актах данной импровизации формы и структуры, изначально возникшие для выполнения какой-то одной функции, подстраиваются, «перепрофилируются» для обслуживания других задач. Эту смену профиля Вааль связывает с возможностью многократной повторной интерпретации явлений. Так, один и тот же элемент, включенный в систему новых отношений, меняет свою функцию и обретает существенно иные характеристики, которые в теории систем называют эмерджентными. У Вааля находим показательный пример: «Передние конечности приматов развивались для того, чтобы их обладатели могли лучше хвататься за ветки, но сегодня я играю ими на пианино...» [3, с. 73]. Говоря иначе, сколько не изучай физиологию наших конечностей, природой не предполагалась способность игры на пианино, это умение развивается как эмерджентное качество, возникающее в

контексте погруженности человека в определенную культуру.

Объясняя множественность интерпретаций явлений, включенных в разные системы отношений, Вааль ссылается на Ницше и утверждает вслед за немецким философом, что происхождение какой-либо вещи не связано непосредственно с теми характеристиками, которые мы сегодня полагаем в качестве ее существенных определений. Говоря иначе, происхождение и сущность – это не одно и то же: «...Оттого совокупная история всякой «вещи», органа, навыка может предстать непрерывной цепью знаков, поддающихся все новым интерпретациям и приспособлениям, причины которых не нуждаются даже во взаимосвязи, но при известных условиях чисто случайно следуют друг за другом...» [4]. Появление новых существенных связей или интерпретаций не заложено в предшествующих стадиях развития, «они случайно сменяют друг друга». Таким образом, развитие не есть развертывание. Менее всего, по мысли немецкого философа, данный процесс можно характеризовать как логический и наикратчайший «progressus к некой цели».

В то же время каким бы противоречивым и неоднозначным ни был эволюционный путь от биологии к духу, крайне важно для понимания существа наших более высоких структур обращаться к тому, с чего всё начиналось. Именно потому, что природа не рассчитывала на появление у человека идейно-разумного отношения к действительности, она закрепила важнейшие для выживания формы поведения в нашей физической организации, в том числе те, которые связаны с разными проявлениями взаимопомощи и альтруистического взаимодействия внутри группы. Ибо от правильности и успеха совместного сотрудничества зависело выживание нашего социального вида. И хотя звучание фортепиано не следует из физиологии наших конечностей, это не значит, что последнюю получится игнорировать в процессе обучения игре на данном музыкальном инструменте. То же самое и с нашей моралью: «природная этика помогает объяснить, как мы пришли к сегодняшнему состоянию» [3, с. 334]. В связи с этим Р. Сапольски справедливо замечает: «...Мы не можем приступать к изучению таких предметов, как агрессия, соперничество, взаимопомощь и эмпатия, не привлекая биологию... Но точно так же важно... что стоит нам начать опираться только на биологическое знание, как корабль наш окажется без руля и без ветрил» [2, с. 12]. Таким образом, попытка проследить истоки морального поведения на биологическом уровне вовсе не равна намерению вывести первое из второго.

Область знания, интегрирующая достижения эволюционной биологии с вопросами этики, получила название эволюционной этики. Отечественный

биолог А. В. Марков характеризует последнюю как относительно молодое направление науки, центральным вопросом которого является происхождение альтруистического поведения. При этом важно понимать, какие именно формы данного поведения составляют центральный интерес биологии. Очевидно, что сознательность действия в данном случае не принимается в расчет. Кроме того, в гуманитарных науках к области морали могут относиться как действия, которые требуют от субъекта определенных жертв, так и те случаи, когда поступок доставляет удовольствие и не связан с какими-то личными потерями. Однако под определение биологического альтруизма подпадают только те случаи, когда организм приносит пользу другим особям ценой собственного репродуктивного успеха или ожидаемого количества потомства [5, с. 21]. В рассматриваемом контексте закономерно возникает вопрос, как согласовать альтруизм с эволюцией, движущей силой которой является механизм естественного отбора? Данный механизм предполагает, что животные будут стремиться увеличить собственный успех на выживание и размножение, а отнюдь не шансы других особей. Если организм ведет себя альтруистично, он снижает свою приспособленность и оказывается в избирательно невыгодном положении по сравнению с «эгоистами».

Ключом к решению данной проблемы стало осмысление многоуровневого характера естественного отбора. Если отбор действует только на уровне индивидов, то альтруизм, очевидно, не может эволюционировать, ибо данное поведение по определению не выгодно для отдельного организма. Тогда ученые обратились к рассмотрению кооперации особей на уровне группы. Возникло предположение, что наличие множества альтруистов, готовых пожертвовать собственными интересами ради общего блага, будет выгодно хотя и не самим дарителям, но группе как целому, и она будет иметь больше шансов на выживание и размножение. Однако идея группового отбора вызвала немало критики и бурных дискуссий. В середине прошлого столетия были проведены исследования, показывающие, что «благо вида» является слабой эволюционной силой: «групповой отбор будет иметь значительные эффекты только для ограниченного диапазона значений параметров» [6] и сам по себе не способен привести к появлению устойчивого сложного альтруистического поведения. Данное заключение было подтверждено рядом математических моделей. Дело в том, что внутри группы продолжает действовать «эгоистический» индивидуальный отбор, который метафорически был охарактеризован как «подрывная деятельность изнутри» (Р. Докинз). Говоря иначе, естественный отбор благоприятствует эгоистам-«обманщикам», которые пользуются всеми преимуществами жизни в группе, однако

не вносят в кооперацию никакого личного вклада. Как пишет А. В. Марков, главным препятствием на пути эволюции сотрудничества и альтруизма является то, что «зарождающаяся кооперация создает благоприятные условия для размножения нахлебников и паразитов, которые часто лишают кооперацию всякого смысла. Чтобы социальная система смогла развиваться дальше самых первых шагов, ей необходимо научиться бороться с обманщиками. Такие механизмы иногда действительно вырабатываются» [5, с. 24]. Но это происходит далеко не всегда: «эволюция слепа» и не имеет «дара предвидения и заботы о «благое вида»». В «смешанных» группах, где не установились способы выявления и наказания обманщиков, их количество с каждым новым циклом и поколением неизменно растет, что приводит к деградации всей кооперации как целого. Более того, «даже если группа состоит исключительно из альтруистов, все они хорошо относятся друг к другу, требуется всего один эгоистичный мутант, чтобы положить конец этой счастливой идиллии. ... Эгоизм в конечном счете поглотит альтруизм» [6]. Искомое поведение могло бы эволюционировать, если бы альтруистам удавалось кооперироваться только с представителями своего типа. Однако, поскольку практически невозможно вывести такой однозначный типовой маркер (наподобие гена «зеленой бороды»), шанс необходимой кооперации остается чисто случайным и, следовательно, недостаточным для распространения искомого поведения.

Обнаруженные проблемы потребовали поиска более сильных пружин эволюции альтруизма. Такие были выявлены на генетическом уровне, в рамках подхода, получившего название родственного отбора. При этом важно подчеркнуть, что осуществление данного отбора происходит в разных плоскостях и не все они имеют одинаковое отношение к альтруизму. Так, «на уровне генов в основе эволюции лежит конкуренция разных вариантов (аллелей) одного и того же гена за доминирование в генофонде популяции» [5, с. 21]. И в этой плоскости возникновение и эволюционирование альтруистических проявлений невозможны в принципе, ибо если некий вариант гена «жертвует» собой, то он просто перестает существовать и исчезает из генофонда. Поэтому ген всегда эгоистичен, однако существует не только в форме аллеля, который как таковой представлен в своем единственном варианте, но и на уровне отдельного организма, воплощаясь во множестве собственных копий. И порой для аллеля стратегически выгодно пожертвовать «несколькими своими копиями, чтобы дать преимущество другим своим копиям, заключенным в телах близкородственных организмов» [там же, с. 22]. Важно отметить, что отдельный организм-копия ведет себя альтруистично не со всеми индивидами, а только с близкими родственниками,

которые обладают вероятностью выше средней самим оказаться носителями его генов, в том числе и тех, которые побуждают индивида к альтруистическому поведению. Другими словами, чтобы альтруизм эволюционировал, «должно быть так, чтобы получатели альтруистических действий имели более высокую, чем средняя, вероятность того, что они сами будут альтруистами. Альтруизм, направленный на родственников, является наиболее очевидным способом удовлетворения этого условия...» [6].

В свете сказанного выше закономерно возникают два вопроса. Во-первых, согласуется ли концепция родственного отбора с теорией Дарвина, если альтруистическое поведение снижает приспособленность организма и нередко приводит к его гибели? Как пишет Р. Сапольски, одним из распространенных заблуждений является представление о том, что приспособленность в рамках эволюционной теории подразумевает именно выживание организма: «нет, эволюционный смысл заключается в размножении, передаче копий генов. Организм, живущий века, но не размножающийся, для эволюции пустое место» [2, с. 295]. Второй вопрос связан с тем, что если биологи правы и «поведение эволюционирует и может быть оптимизировано (адаптировано) эволюционными средствами» (Р. Сапольски), то не ведет ли такая позиция к генетическому детерминизму и исключению роли социокультурных факторов в формировании альтруистического поведения и морали? Многие ученые единодушно отстаивают отрицательный ответ. Так, по мысли психолога Е. П. Ильина, у нас действительно «есть основания предполагать, что в развитии такого поведения велик вклад генетических, биологически предопределенных факторов» [7, с. 126]. Ученый утверждает, что эволюция вполне могла создать такую «эмоциональную систему», когда члены одной семьи вызывают у человека эмпатию, отзывчивость и готовность помогать. При этом он обращает внимание, что не стоит усматривать здесь нечто большее, нежели «психоэволюционную предрасположенность», ведь огромную роль играет еще и культура, в которой воспитывается человек. Р. Сапольски в этом случае предлагает использовать более осторожную формулировку: поведенческие признаки имеют генетическую составляющую.

Проблему генетического влияния на поведение человека рассматривает также Р. Докинз в своей знаменитой книге «Эгоистичный ген». Определяя все живые организмы как «машины выживания», созданные генами для возможности существования в самых разных условиях окружающей среды, ученый при этом отмечает: «Гены регулируют поведение своих машин выживания не непосредственно, дергая пальцами за веревочки подобно кукольнику, а косвенно, подобно составителю программы для компью-

тера. Всё, что они могут сделать, – заранее снабдить свои машины необходимыми инструкциями» [8, с. 104–105]. Гены не могут осуществлять непосредственный контроль за поведением из-за отставания во времени, они «оказывают свое действие, регулируя белковый синтез. Это очень мощный способ воздействия на мир, но способ медленный» [там же, с. 107]. Однако гены могут вложить в свои «машины выживания» особые программы быстрого реагирования, ведущие, в конечном итоге, к главной биологической цели – оставить как можно больше своих копий. Для многих живых существ такая цель связана с необходимостью существования в группе. И для ее достижения среди огромного разнообразия программ требуются в том числе и такие, которые задают альтруистическое поведение: делиться пищей с родственными особями в ущерб своему насыщению, вызывать опасность на себя, чтобы отвести хищников от детенышей и сородичей, защищать занятую территорию и т. д. Мудрая (или хитрая) природа позаботилась о том, чтобы нам хотелось выполнять инструкции, вложенные в нас генами: она «всегда увязывает необходимые вещи с удовольствием» (Вааль). Так, известно, что гормоны окситоцин и вазопрессин способствуют укреплению отношений между мужчиной и женщиной, между родителем и ребенком. Как отмечает Р. Сапольски, окситоцин «провоцирует просоциальное поведение, также он выделяется, если мы испытываем на себе эффект просоциального поведения других людей (когда нам доверяют в игре, прикасаются к нам с теплотой и т. д.)» [2, с. 106]. Таким образом, «гормоны окситоцин и вазопрессин – это приятнейшая вещь на свете», – заключает ученый. Аналогичным образом, поясняет А. В. Марков, эволюция закрепила способность испытывать удовольствие при совершении значимого для коллектива поступка, даже если последний сопряжен с личными потерями. Сегодня мы чувствуем моральную удовлетворенность в случае социального одобрения. Причем наша биология действует настолько сильно, что даже рационально относясь скептически к общественному признанию и похвале, в подавляющем большинстве случаев мы всё равно испытываем приятные эмоции. И порой этому чувству приходится учиться противостоять.

На основании сказанного выше закономерно напрашивается следующий вопрос: всегда ли рассматриваемое в биологическом смысле альтруистическое поведение является одновременно правильным с этической точки зрения? Например, мы видим страдающего человека, допустим, члена семьи, и в нас мгновенно, по воле природы, срабатывает эмпатия и желание прекратить или облегчить его участь. Но что, если в данном случае страдание является справедливым наказанием за причиненное кому-то зло или

мучение?.. Будет ли тогда морально оправданным наше проявление заботы о нем?

Или возьмем другой пример. Действительно, нет ничего понятнее и естественнее заботы о своих детях – дать им лучшее образование, помочь устроиться на высокооплачиваемую работу, сделать их жизнь легкой и беззаботной... Но что, если любимый ребенок не обладает нужными способностями и занимает в университете чужое место? Или не может справиться с ответственной и сложной работой? Как легко увидеть, для огромного множества родителей такие аргументы ничего не стоят сравнительно с неотразимой силой любви, внушаемой стратегией эгоистичных генов. А что касается желания избавить свое чадо от всех тягот и забот жизни, нельзя не вспомнить выводы нашего отечественного педагога П. Ф. Лесгафта: огромное множество просчетов в воспитании (за которые, в конечном счете, расплачиваются сами дети) основано именно на неумеренной родительской любви. Или на тех самых ниточках, за которые опосредованно дергают гены.

В данном логическом контексте вполне закономерным предстает высказывание Р. Докинза о тирании генов. Ученый полагает, что если некто захочет построить общество, основанное на принципах морали, то «ему нечего рассчитывать на помощь со стороны биологической природы человека» [8, с. 36]. По мысли Докинза, люди, обладающие сознанием и сформированные не только под давлением эгоистичных генов, но и в соответствии с принципами разумности, возвращенными на основе культурного воспитания, являются единственными существами, способными преодолеть эту тиранию.

Еще одна концепция, предлагающая эволюционное объяснение искомого поведения, опирается на феномен парохиализма. Данный феномен основан на свойственном для многих социальных существ делении на «своих» и «чужих» и означает проявление положительного, альтруистического отношения к своей группе и негативного или, в лучшем случае, нейтрального – к чужой. В человеческом обществе критериями подобного деления, зависящими не только от биологических факторов, но и от воспитывающей среды, чаще всего выступают раса, этнос, культура, религия и т. д. Психологи отмечают, что способность отличать своих и чужих проявляется уже в раннем детском возрасте, при этом маленькие дети открыто проявляют негативное отношение к тем, кто внешне отличается от их привычного окружения. Как и теория родственного отбора, парохиализм предполагает направленность альтруистического поведения не на всех индивидов, а только на «своих». Однако к числу последних в рамках рассматриваемого направления могут относиться не только члены семьи. Собственно данная концепция одной из своих задач

ставит объяснение альтруизма при отсутствии родства между представителями группы. Вместе с тем критики нередко обосновывают близость парохиализма теории родственного отбора. Предполагается, что изначально альтруизм распространялся на членов одной семьи в пределах небольшой группы, которая увеличивалась и развивалась в едином комплексе борьбы с другими племенами. Это позволяло укреплять свою общину и передавать в ее рамках схожие гены. Поэтому нередко отмечается, что по своему составу парохиальная группа приближается к родственной и ее действительным основанием выступает уже известный нам генетический фактор. В этой связи до сих пор не утихают дискуссии на тему действительности, исходных оснований и взаимосвязи родственного, парохиального и группового отборов. Вместе с тем «важность родства для эволюции альтруизма сегодня очень широко признана как на теоретических, так и на эмпирических основаниях» [6]. При этом связь парохиализма и родства доказывается не только научными исследованиями, но и многовековым историческим опытом. Парохиальная особенность человеческой психики наиболее активно эксплуатируется во время войн, когда для поднятия патриотического духа бойцов и усиления эмоциональной сплоченности делается ссылка на общую историю, общих предков, следовательно, родственные братские узы, связующие воинов друг с другом. Причем одновременно рисуется образ бесчеловечного врага, попирающего древнейшие святыне устои отцов.

Таким образом, если родственный отбор делает акцент на степени генетической близости для объяснения альтруизма, то парохиализм подчеркивает важность наличия врагов как необходимого условия возможности объединения и сплочения внутри группы. Как отмечает А. В. Марков, если взглянуть на историю человечества, легко заметить, что любовь к своим одновременно подкреплялась ненавистью к чужакам. И такие, казалось бы, противоположные качества, как альтруизм и воинственность, развивались параллельно, в тесной взаимосвязи. По отдельности, отмечает ученый, ни одна из этих черт не смогла бы принести пользы в рамках коллектива. Как отмечалось выше, альтруизм на уровне группы, взятый сам по себе, продуцирует паразитизм обманщиков и ведет к разрушению коллектива как целого. Здесь уместно вспомнить гениальную догадку Гегеля о том, что живая развивающаяся система существует за счет наличия внутренних противоречий, без которых она неизбежно деградирует и умирает. В современной науке существует огромное множество исследований, доказывающих связь указанных противоположных качеств. Так, гормон окситоцин усиливает привязанность и любовь к своим. При этом Р. Саполь-

ски ссылается на научные данные, в которых показано, что окситоцин одновременно увеличивает враждебное отношение к чужакам, что естественным образом укладывается в логику парохизального альтруизма.

А. В. Марков в своей работе, посвященной эволюции альтруизма, заключает, что внутригрупповая кооперация может формироваться двумя путями: или на основе более тесной степени родства, или, при отсутствии последнего, между неродственными особями, при наличии множества врагов и необходимости вести с ними длительную непримиримую борьбу. Последний фактор является важнейшим условием для остановки «подрывной деятельности изнутри»: он не только повышает психологическую сплоченность внутри группы, но и служит оправданием усиления «полицейского режима» в отношении эгоистов-обманщиков. В этой связи А. В. Марков задает философский вопрос: «Можно ли создать общественное устройство, где альтруизм будет поддерживаться без насилия и не будет обманщиков и эгоистов?» [5, с. 26] И отвечает с точки зрения данных науки: ни животным, ни людям этого пока не удавалось. Ученый с сожалением констатирует, что эволюция не закладывала в нас способность считать всех людей своими. Парохизализм глубоко укоренен в психике человека. Однако, по мысли ученого, если некий аспект нашего поведения имеет эволюционное объяснение, отсюда вовсе не следует его «биологическое оправдание» и необходимость считать правильным: «К счастью, помимо архаичных инстинктов и эмоций эволюция дала человеку еще и разум, и поэтому мы можем и должны подняться над своими биологическими корнями и пересматривать устаревшие этические рамки...» [там же, с. 28].

Значение роли разума в процессе преодоления установки свой-чужой доказывается также рядом нейробиологических исследований. Если первичная инстинктивная реакция активизирует отделы мозга, связанные с чувствами страха и антипатии (в частности, миндалину), то «на всех попытках проконтролировать и подавить чувство неприязни по отношению к Чужим заглавными буквами написано – Это Лобная Кора» [2, с. 372]. Когда мы пытаемся осмыслить рационально свое первичное впечатление и воспринять человека как личность, а не представителя той или иной культуры, этноса, «миндалины не активизируется, перестает делить людей на чужих и своих». Таким образом, в рамках данной концепции именно разуму принадлежит ведущая роль в возможности осуществления морального поведения.

Еще одним подходом, претендующим на объяснение эволюции альтруизма вне родственных отношений, является взаимный, или реципрокный, альтруизм. Если коротко выразить суть этой теории: мы

склонны проявлять альтруистическое отношение к тому, кто в свою очередь помогает нам. В контексте рассматриваемой проблемы под определение альтруизма не попадают те случаи симбиоза, когда взаимодействие связано с получением выгод обеими сторонами при отсутствии или минимальном количестве личных потерь. Предполагается некий акт самопожертвования ради неродственного организма из ожидания, что последний когда-то в будущем также осуществит нечто подобное. То есть размер взаимопомощи должен быть примерно эквивалентным. Однако нетрудно догадаться, что «четких эмпирических примеров у животных, не являющихся людьми, относительно немного» [6]. Вполне очевидно, что данное взаимодействие исходно требует довольно развитого уровня рассудочных проявлений, среди которых исследователи подчеркивают умение налаживать систему «взаимозачетов», развитую память, способность узнавания индивидов, с тем, чтобы в будущем оказать или востребовать ответную услугу. Кроме того, исключительно важно умение вычислять обманщиков, которые не планируют возвращать долги.

Последнему пункту уделяется огромное внимание во всех рассмотренных подходах. Ибо для возможности эволюции интересующего нас вида поведения необходимо, чтобы его получатели оказывались сами альтруистами, то есть нужна кооперация между представителями одного типа. В действительности это не только крайне сложная задача, ибо эгоисты умеют мастерски «гримироваться» под противоположный тип, но и исключительная важная: от нее зависит выживание самой социальной системы как целого – настолько силен индивидуальный отбор. Поэтому природа вложила в нас такую острую негативную реакцию на хитрых «безбилетников». Как справедливо пишет Р. Сапольски, мы гораздо чаще замечаем ситуации жульничества, чем акты внезапной доброты. Наше сознание запрограммировано, прежде всего, на выявление случаев обмана, на них мы реагируем намного сильнее и надолго запоминаем, даже если речь идет о чем-то сравнительно пустяковым. А вот безвозмездные благодеяния, даже крупные, воспринимаются нами довольно спокойно и нередко весьма быстро забываются. То, что получено даром, мы вообще редко ценим. На этом основании некоторые люди, которые хотели и могли бы оказывать свои услуги бесплатно, устанавливают, тем не менее, хотя бы минимальную таксу, иначе ценность самой услуги в восприятии ее получателя почти всегда будет стремиться к нулю. И вновь мы приходим к уже знакомому выводу: для превосходения нашей несправедливой биологической сути необходимо ее «вразумить», преодолев свои инстинктивные проявления усилием мысли и сознательно направленной волей.

Как можно заключить, свойственные людям альтруистические проявления в массе своей относятся к области человеческого, слишком человеческого. Ницше в «Так говорил Заратустра» характеризует сверхчеловека как носителя наивысшей дарящей добродетели: «Поистине, я разгадал вас, ученики мои: вы стремитесь, подобно мне, к дарящей добродетели. Действительно, что у вас общего с кошками и волками? Жажда ваша в том, чтобы самим стать и даром, и жертвой...» [9]. Человек уже не животное, однако его добродетель прочно привязана к своим биологическим корням. Но поэтому он и не сверхчеловек, чья «душа расточает», не хочет благодарности и «исполняет всегда еще больше, чем обещает». Человек, в соответствии с принципом индивидуального отбора, вообще не хочет оказаться «ни даром, ни жертвой». И если уж приходится осуществлять добродетель, то она, в большинстве случаев, является парохияльной, т. е. очень избирательной, пристрастной, соседствующей с ненавистью, и реципрокной – крайне экономной, ждущей благодарности и карающей должников. Коротко говоря, слишком биологичной, слишком человеческой.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что представители эволюционной этики, признавая природные истоки человеческой добродетели, утверждают, вместе с тем, исключительную важность разума в формировании подлинно моральных отношений. В то же время присутствуют разногласия по поводу того, считать ли данные истоки опорой нашей моральности, как полагает Вааль, или же, напротив, препятствием, которое нужно преодолевать на основе разума, на чем настаивает Докинз. Думается, в силу чрезвычайной сложности ситуаций и разнообразия составляющих их факторов однозначного ответа здесь не может быть в принципе. Вспомним Ницше: одно и то же явление, помещенное в разные системы отношений, обретает множество противоположных интерпретаций. В данном случае всё решает контекст. Эмоциональная склонность к кооперации – это хорошо или плохо? Да – если речь идет о выполнении творческой групповой работы, нет – если это эффект толпы. В общем-то и последний в ряде ситуаций может оказаться полезным. Всякий раз приходится думать. Как бы то ни огорчало интуитивистов, но мы не можем целиком положиться на природное чутье, и в большом количестве моральных ситуаций нам не избежать «когнитивной нагрузки». Особенно, в сложном контексте современной социальной реальности, с ее усиливающимися тенденциями глобализации и возрастающим количеством межкультурных взаимодействий, создающими обширное пространство для конфликта. Для возможности преодоления последнего крайне важно понимать, что находится у его истоков: «дурная» бессознательная парохияльная

направленность нашей биологии или действительно морально неприемлемые формы поведения.

Но, может быть, в этой паре – чувства и разума – удастся хотя бы выявить чью-то ключевую роль? По всей видимости, главное действующее лицо обнаружить здесь невозможно. Они оба разыгрывают драму морального поведения в пьесе человеческих отношений. И, как всегда, для успеха постановки важно знать характеры главных персонажей. Так, инстинктивная чувственная реакция всегда выступает первой. В то же время важно понимать, что рациональная установка, многократно осуществляемая в рамках морального опыта индивида и потому вошедшая в его привычку, аналогичным образом преобразуется в автоматическое инстинктивное поведение. Чувственность может быть не только биологически обусловленной, но и культурно взращенной. И она намного теснее связана с разумом, чем то до сих пор полагают философы и ученые. И поскольку в драму моральных отношений сегодня постепенно и неуклонно вовлекается всё человечество, важно оказаться режиссером своего будущего, а не безвольным исполнителем случайного сценария. Для чего, в частности, необходимо прорабатывать конструктивные диалоги между биологической и духовно-разумной сторонами человеческого бытия. Это, в свою очередь, требует дальнейшего углубления в их познании, причем как методами науки, так и на уровне философской рефлексии, с ее устремленностью к междисциплинарным связям и предельным основаниям искомой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельев С. В. Ницета мозга. М. : ВЕДИ, 2014. 192 с.
2. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 766 с.
3. Вааль де Ф. Истоки морали : в поисках человеческого у приматов. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 376 с.
4. Ницше Ф. К генеалогии морали. URL: <https://www.nietzsche.ru/works/main-works/genealogia/?curPos=1>
5. Марков А. В. Эволюция и мораль // Природа. 2010. № 9. С. 21–28.
6. Okasha Samir. Biological Altruism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2020 Edition) / Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/altruism-biological/>
7. Ильин Е. П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб. : Питер, 2013. 304 с.
8. Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : АСТ : CORPUS, 2013. 509 с.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. URL: <https://www.nietzsche.ru/works/main-works/zaratustra/runkovich/>

*Воронежский государственный университет
Вяткина А. Г., кандидат философских наук, стар-
ший преподаватель кафедры онтологии и теории по-
знания
E-mail: allavia85@mail.ru*

*Voronezh State University
Vyatkina A. G., Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge
Department
E-mail: allavia85@mail.ru*